

45 секунд. Появление цели сопровождалось стрельбой из блиндажа в сторону снайпера холостыми патронами. Расстояние до цели 320–350 м, на упражнение давалось пять патронов (ГАНИИО. Ф. р-1906. Оп. 1. Д. 64. Л. 2). Столь серьезный подход к подготовке стрелков объясняет столь малое число подготовленных снайперов. Кроме того, для проведения тренировок снайперов по приведенным упражнениям, стрелковый кружок должен был обладать серьезной материальной базой. К сожалению, в некоторых организациях, особенно в селах, зачастую деятельность стрелковых кружков ограничивалась теоретическим изучением материальной части винтовки и теории стрельбы.

В 1930-е гг. вошло в практику выполнение контрольных заданий. Так контрольные цифры для Иркутской областной организации ОСОАВИА-ХИМ на 1937 г. составляли: для области было дано подготовить допризывников 4 057 чел., подготовлено 4 241, что составило 104,5% от задания; ворошиловских стрелков 1-й ст. 4 000 чел., подготовлено 4 537 что составило 113,4%; ворошиловских стрелков 2-й ст. 300, подготовлено 220 или 73,3%; юных ворошиловских стрелков 780 чел. подготовлено 165 или 24,2%; инструкторов стрелкового спорта 2-го разряда 100 чел. подготовлено 165 чел. что составило 156%; пулеметчиков было подготовлено 116; снайперов 2-го класса 50 чел.; мастеров боевой винтовки 15 чел.; полевых стрелков из мелкокалиберной винтовки 315 чел. (ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 16. Д. 172. Л. 3–4). По отдельным видам контрольные цифры не были выполнены только потому, что отсутствовали материально-технические средства.

Таким образом, к концу 1930-х гг. стрелковые клубы Иркутской области добились высоких результатов. В различных организациях создавались и активно работали десятки военно-стрелковых кружков, в которых обучались сотни молодых людей. Применение различных методов поощрения достижений в спорте подталкивало организации к дальнейшему развитию и улучшению своих достижений. Так учрежденный нагрудный знак «Ворошиловский стрелок дал дополнительный импульс для развития стрелкового спорта. В результате накануне Великой Отечественной войны среди юношей, призванных на военную службу, в армию пришли тысячи ворошиловских стрелков и снайперов.

Е.В. КОМЛЕВА

ВЫХОДЦЫ ИЗ ИРКУТСКА В СОСТАВЕ КРАСНОЯРСКОГО КУПЕЧЕСТВА (конец XVIII–XIX вв.)

Один из интереснейших и вместе с тем малоизученных вопросов, относящихся к истории сибирского купечества, — взаимодействие между купцами отдельных городов, торговые и семейные связи, существовав-

шие между ними. Наиболее подробно, благодаря работам А.А. Жирова, раскрыта связь между купечеством таких городов, как Тара и Кяхта (Жиров А.А. *Исторические параллели в судьбах городов и купечества Тары и Кяхты // Россия и Восток: история и культура. Омск, 1997. С. 282–286; Он же. Тарские кяхтинцы // Земля Иркутская. Вып. 9. 1997. С. 14–19*).

Материалы находящегося в печати издания «Енисейского купечество в лицах» (Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. *Енисейское купечество в лицах. Новосибирск, 2011. В печати*), в котором собрана информация про всех выявленных на сегодняшний день людей, когда-либо входивших в состав гильдейского купечества Приенисейского края, позволяют выявить существовавшие контакты между местными и иногородними купцами. Особый интерес представляют связи между купечеством крупнейшего города Сибири Иркутска и получившего в 1822 г. статус губернского центра Красноярска, который к 1863 г. по величине занимал второе, после Иркутска, место среди городов Восточной Сибири (*История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 415*).

Иркутск всегда привлекал внимание красноярских купцов, поскольку существенная разница цен делала выгодным сбыт там скота и продуктов сельского хозяйства. Например, в 1820–1830-х гг. в Иркутске пуд ржаной муки стоил 0,40–0,70 р., пшеничной — 1,60–2,00 р., говядины — 2,00–3,00 р., сливочного масла — 16,00–20,00 р. (Авдеева-Полевая Е.А. *Записки и замечания о Сибири. М., 1837. С. 17*), в Красноярске же в это время за пуд ржаной муки давали 0,34–0,45 р., пшеничной — 0,55–0,70 р., говядины — 1,40–1,60 р., сливочного масла — 8,0–10,0 р. (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 142. Л. 112, 127–127 об.).

Несмотря на слабость красноярского купечества, долговременное отсутствие значительных капиталов, восточное направление составляло важную часть коммерции местных гильдейцев. В конце XVIII в. с разными товарами из Красноярска в Иркутск выезжали купцы М.С. Засорин, И.И. Суворов, Пороховщиковы (*Там же. Д. 23. Л. 8–15 об.*). В 1806 г. записывался в Иркутск проживавший в Красноярске как «иногородний гость» член 2-й гильдии А.П. Попов (*Там же. Д. 14. Л. 37 об.–38*).

По свидетельствам современников, в 1820-х–начале 1830-х гг. из Красноярска «велся значительный торг» в Иркутск и Кяхту сырыми козьими и конскими кожами на обертку в Кяхте цибиков с чаем; в Иркутск отвозили и много масла, сала и сальных свечей (*Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. М., 1833. С. 39–40*). Из числа владельцев капиталов выявлено 7 человек (В.Н. Власьевский, И.Я. Суханов, Х.В. Старцев, Я.В. Муруев, М.И. Коростелев, И.К. Кузнецов, П.Ф. Ларионов), которые в 1820-е гг. скупали хлеб, лошадей, крупный рогатый скот, сало, масло и кожи в Ачинском, Минусинском и Канском округах и везли все это для продажи Иркутск. Одному из них — Х.В. Старцеву — в 1826 г. принадлежал кожевенный завод, на котором

выделывалось в год до 800 юфтевых и дубленых кож, отвозившихся в Иркутск (РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 336. Л. 23). Продукцию первого в Сибири стекольного завода в Заледеевской волости Красноярского округа в 1830-х гг. сбывали в Иркутске и Иркутской губернии красноярские купцы Коноваловы (ГАКК. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 73. Л. 154). Торговлей и золотопромышленностью в Иркутской губернии во второй половине XIX в. занимался потомки красноярского купца Б.Г. Каминера.

Часть красноярских купцов в дальнейшем перебиралась на жительство в Иркутск, входя в число местных купцов или мещан. К таким относился Д. Степанов, который в 1864 г. перешел из красноярских третьегильдейцев в иркутское мещанство, П.Ф. Снегирева, 1849 г. перечислившаяся вместе с сыновьями из 3-й гильдии Красноярска в ту же гильдию Иркутска (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 257. Л. 1об.–28). Правнук красноярского купца Б.Г. Каминера В.М. Каминер в 1879 г. значился верхоленским и иркутским купцом.

Несколько больше людей вливалось в состав красноярского купечества из числа жителей Иркутска. В глазах многих иногородних предпринимателей привлекательность Красноярску придавал как полученный в 1822 г. статус губернского города, так и развернувшаяся в 1830–1840-х гг. золотодобыча. Именно в эти годы территориальное происхождение местного купечества заметно расширилось: здесь можно было встретить приезжих из Центральной России, европейских стран, разных сибирских городов (Комлева Е.В. *Енисейское купечество (последняя четверть XVIII–первая половина XIX вв. М., 2006. С. 86, 89)*). Наименьшее значение в формировании красноярского купечества играли выходцы из Восточной Сибири (прежде всего, из Иркутска), однако некоторые из них были довольно заметными фигурами.

Всего выявлено девять владельцев капиталов, записавшихся в красноярское купечество и происходивших из Иркутска. Среди них: С.А. Зашихин, М.П. Кабаков, П.Ф. Ларионов, Ф. Шепелев, П.Д. Бронников, А. Куклин, Л.С. Степановский, Ф.П. Старцев, А.А. Плотников. Из других городов Иркутской губернии — Киренска и Илимска — были родом И.Ф. и П.Я. Прейны.

Большинство этих людей (П.Д. Бронников, А. Куклин, Л.С. Степановский, Ф.П. Старцев, А.А. Плотников, Ф. Шепелев) вошли в красноярское купечество в 1840–1850-х гг. — в разгар золотопромышленности в Енисейской губернии и занимались работой на частных золотых промыслах. В основном, выходцы из Иркутска не задерживались надолго в Красноярске, а через год-два переезжали в другие города. Исключение составляли лишь несколько человек. Например, происходившие из купеческой семьи Иркутска братья Степан и Дмитрий Зашихины, в конце 1810-х гг. перебрались в Красноярск, надолго осев там, войдя в состав 3-й гильдии и занимаясь разного рода торговлей. В 1835 г. старший из

них — С.А. Зашихин — упоминался как красноярский мещанин, занятый «мещанским промыслом» (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 32. Л. 7).

Наиболее известными красноярскими купцами, пользовавшимися авторитетом в красноярском городском обществе и связанных в прошлом с Иркутском, были семейства Кабаковых, Прейнов, Ларионовых. При изучении связей между красноярскими и иркутскими купцами особое значение приобретает семья Ларионовых — единственное красноярское купеческое семейство, от которого до наших дней сохранился комплекс рукописных документов, датируемый концом XVIII в.—началом XX в.

Коллекция купцов Ларионовых — своего рода небольшой семейный архив — включает 131 единицу хранения, в том числе приходно-расходные книги, «верящие письма» на получение товаров, векселя, домовые книги, купчие на дома, упражнения купеческих детей в чистописании, наконец, деловые и личные письма. Сохранившиеся документы позволяют проследить механизмы ведения коммерческих дел сибирскими купцами, получить информацию о составе и родственных связях Ларионовых, о внутрисемейных отношениях, узнать подробности быта горожан.

Поскольку родившийся под Иркутском основатель династии Петр Федорович Ларионов начинал со службы приказчиком у разных иркутских купцов, а также состоял в родстве с семейством иркутского купца третьей гильдии Емельяна Григорьевича Ларионова, то в сохранившихся документах упоминается целый ряд иркутян — прежде всего это купцы И.Д. Мичурин, Г. Андроников, Н.П. Мыльников, С.Ф. Ларионов, Г.И. Шелихов, а также многочисленные родственники Петра Федоровича.

Отдельный пласт корреспонденции связан со службой П.Ф. Ларионова у крупнейшего сибирского купца конца XVIII—начала XIX вв. Н.П. Мыльникова, одного из организаторов Иркутской коммерческой компании, в 1797 г. объединившейся с компанией Г.И. Шелихова в Российско-Американскую компанию (*Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1996. Т. 3. Кн. 1. С. 153–154*). Интерес, в частности, представляют фрагменты переписки, указывающие на практику злоупотреблений и нечестного коммерческого поведения. Например, в одном из писем сообщается о «предобижении» иркутскими купцами С.Ф. Ларионовым и Н.П. Мыльниковым их приказчика П.Ф. Ларионова, когда он, продавая хозяйский товар на ярмарке, не только не был вознагражден «за заслугу честную», но и «всего своего» лишился. Утешая Петра Федоровича, его тесть ссылается на «старинную пословицу»: «Чужим животом торговать — одно только время препровождать» (ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4469. Л. 1об.). В другом письме П.Ф. Ларионов писал Н.П. Мыльникову: «... вы изволили... писать о старом масле, чтоб перетопить с новым маслом... однако... старое масло почти на масло совсем не походит, а точный жир... » (*Там же. Д. 4463. Л. 1об.*).

Часть материалов, относящаяся к иркутскому периоду жизни П.Ф. Ларионова, отражает историю освоения русскими тихоокеанского севера, что придает дополнительную ценность переписке Ларионовых, выводя ее тематику на общероссийский уровень. Сюда относятся письма брата П.Ф. Ларионова Степана, служившего на Аляске и назначенного осенью 1803 г. комендантом русской крепости Якутат.

Таким образом, несмотря на свою малочисленность, выходцы из среды иркутского купечества и мещанства оставили заметный след в истории Красноярска, а сохранившийся комплекс документов семейства Ларионовых может служить ценным источником для дальнейшего изучения существовавших как в хозяйственной сфере, так и в семейных отношениях связей между купечеством двух городов.

Н.М. ЛАПТЕВ

ПАТРИОТИЗМ ИРКУТЯН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам летописи города Иркутска)

Известие о начале первой мировой войны пришло в Иркутск 20 июля 1914 г. На следующий день в кафедральном соборе было совершено молебствие о даровании победы и зачитан Высочайший Манифест об объявлении войны. По окончании молебна в городе состоялась многотысячная манифестация иркутян с выражением верноподданнических чувств и поддержки действий императора Николая II.

Война изменила образ жизни в городе. Народ стал собраннее, на улицах и в парках проходило меньше гуляний и торжественных мероприятий. Население города (а в Иркутске к началу войны проживало 134 тыс. жителей) живо откликнулось на мобилизационные меры Государственной Думы, и само проявляло патриотические инициативы по оказанию «помощи фронту» (*Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск. Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. С. 199*).

Иркутское купечество в первые же дни войны стало перечислять деньги в московский биржевой комитет на содержание раненых солдат. Товарищество Второва пожертвовало 100 тыс. р., а купцы Н.Т. Зверев и братья Замятины — по 10 тыс. р. Но более крупные взносы иркутские купцы и другие состоятельные граждане города делали через отделения банков, находящиеся в Иркутске, путем подписки на военный заем. В октябре 1914 г. их вклад составил: в Русско-Азиатском банке — 396 тыс. р., в Волжско-Камском банке — 275 тыс., в Государственном — 162 тыс. Всего же подписка на военный заем в Иркутске составила 1 млн 5 тыс. р. (*Там же. С. 194, 196*).